

СТО ЛЕТ
назад ро-
дился Константин
Сергеевич Стани-
славский. Чет-

ВРЕМЯ СТАНИСЛАВСКОГО

му должна гово-
рить людям самое
важное, самое со-
временное, самое
нужное сегодня.

верть века, как его уже нет. Для тех, кому сегодня 25, Станиславский — история. Он — реформатор сцены, совершивший переворот в драматическом искусстве. И стоит он в одном ряду с великими людьми, открывшими новые для своего времени истины. Как Ломоносов или Менделеев, Пирогов или Попов.

Но что такое первый грозоотметчик Попова по сравнению с новой радиотехникой... Многие молодые и не очень молодые люди именно так относятся к великим открытиям и к великим людям, родившимся задолго до их рождения. Все, конечно, понимают, что без Попова не было бы сегодня радиолокации и телевидения, а без Ломоносова — современной физики. Но история физики и физика — разные науки. Как историю мы изучаем географию Птолемея, эстетику Аристотеля и медицину Гиппократ. Может быть, Станиславский — только прекрасная история? Может быть, он принадлежит только прошлому?

Нет, нет, тысячу раз нет! То, что открыл, чему учил Константин Сергеевич, принадлежит сегодняшнему театру.

Двух с половиной тысячелетия история театра знает периоды расцвета и упадка, насчитывает тысячи имен великих артистов. Сотни раз знающие и любящие театр люди пытались объяснить волшебное искусство сцены, открыть тайны ее воздействия на людей. Каждая эпоха оставила свою теорию театра. Свои «системы» предлагали Аристотель и Дидро, Гёте и Вагнер. И все они были хороши для своего времени. И все они ныне остались лишь достоянием истории. То же было и в России. Долгое время противопоставляли у нас двух великих артистов — Каратыгина и Мочалова. Позднее творческие системы Малого и Художественного театров надвое поделили театральную общечеловеческую историю. Еще позже возникли театральные направления Пролеткульта, Мейерхольда, Таирова, ТРАМа. Сколько их было... И у молодежи возникает вопрос: а чем лучше система Станиславского какой-либо иной системы?

На этот вопрос ответить и легко, и трудно. Легко потому, что нельзя путать то или иное театральное течение или направление со всеобщими законами сценического творчества, открытыми Станиславским. Трудно потому, что Станиславский — не только великий актер и мыслитель, создавший науку о творчестве артиста, но и блестящий режиссер, создавший определенное театральное направление. Никто, кроме Станиславского, не соединил в единую стройную систему творческий опыт огромной плеяды выдающихся артистов XIX и XX веков, никто, кроме Станиславского, не открыл объективные законы поведения человека на сцене, никто, кроме Станиславского, не пытался найти сознательный путь к актерскому подсознанию...

Станиславский для театра сделал то, что Павлов для физиологии. Законы единства психической и физической жизни человека были одновременно открыты практиком Станиславским и ученым Павловым. И эти законы вечны, потому что они не выдуманы, а подсказаны жизнью. И как бы ни отличались спектакли, поставленные разными режиссерами, от спектаклей, поставленных Станиславским, артисты самых разных театров — хотели они того или нет — жили по законам человеческой природы. И хорошо они играли, когда следовали этим законам, плохо — когда изменяли им. И если мы исповедуем реализм, для нас есть только одна система — система, коренящаяся в реальной жизни человека, и есть деся-

ки театральные течения, направленные, исканий. Как бы неожиданны ни были условные формы спектаклей, как бы смелы или традиционны ни были декорации и костюмы, подлинное переживание, перевоплощение артиста в образ возникает только при одном условии — верности природе. Никто на свете не может безнаказанно изменить ей.

Система Станиславского создает артиста, создает режиссера, а потом — и спектакли...

БОЛЬШУЮ задачу решает сейчас советский театр — как лучше служить современникам, стремиться к высокой цели — готовить людей для жизни в коммунистическом обществе.

В спектаклях и дискуссиях рождается эстетика современного театра. А основу ее заложил Константин Сергеевич Станиславский своей системой и Московский Художественный театр — ее практическим воплощением.

Станиславский, естественно, не знал, что произойдет с человечеством через 25 лет, не знал, как и насколько изменится духовный облик советского человека, его эстетическое чувство. Но всеобщие законы творчества артиста, «формула» темперамента, природа зависимости театра и народа, открытые Станиславским, — самый лучший на сегодня, самый точный, самый современный компас. Его стрелка всегда показывает на реализм. Тот, кто владеет этим компасом, не сбывается с пути. Может быть, и родится гений, который предложит миру иную, более совершенную теорию творчества актера. Пока же мир не имеет более гениальной системы театрального искусства. Все лучшее, созданное вчера и сегодня, все прекрасное, что будет создано завтра, рождено великими открытиями Станиславского.

Система удивительно проста, как все гениальное. И немислимо сложна. Кто знает и любит жизнь — поймет ее. Кто талантлив — освоит. Кто умеет понять человека — поймет и учение Станиславского. Кто же воспринимает жизнь людей только через книги и спектакли, кинофильмы и театральные рецензии — тому Станиславский ничего не даст.

Станиславский, изучая творчество великих артистов своего времени и самого себя, определил законы, при которых артист может каждый вечер вызывать в себе подлинное чувство людей, которых он сегодня играет. Станиславский определил условия, при которых происходит акт перевоплощения артиста в художественный образ. Он предложил метод воспитания артиста — гражданина — художника. Никакая эстетическая система не стоит ломаного гроша, если она не рождена практикой и практика не подтверждает ее.

Система Станиславского проверена практикой театра. Школа Станиславского сумела поднять советское театральное искусство на огромную высоту. Не случайно, что книги Станиславского переведены на все языки мира, что его имя признано самым великим всеми прогрессивными художниками театра и кино земного шара.

Учение Станиславского, его опыт принадлежат всему советскому театру. На всех нас падает отблеск его славы. Поэтому на нас лежит огромная ответственность за судьбы театральное искусство.

Наследство Станиславского — несметное богатство. Можно промотать его или жить на ренгу, можно отдать в музей. Но и то, и другое, и третье — преступление. Нужно удвоить, утроить, удесятерить это богатство.

ЖИВОЙ Станиславский не мог пожаловаться на невниманье современников. Его любили зрители, у него была масса почитателей. Но в то же время созданный им и

Г. ТОВСТОНОГОВ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

Немировичем-Данченко Московский Художественный театр с первых же дней стал мишенью для реакционной критики. До самых последних дней жизни Станиславский не прекращал борьбу за реалистическое искусство против теоретиков и практиков старого театра. За долгую жизнь в искусстве Станиславский обвинялся во всех смертных грехах — поначалу его обвинили в эпигонстве и подражательстве, потом в декадентстве и тенденциозности, в аполитичности и идеализме, в деспотизме, эстетстве... До революции МХАТ имел массу неприятностей как прогрессивный театр. Он не раз был накануне финансовой гибели. Не известно, как бы сложилась судьба Московского Художественного театра, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция.

Станиславский принял революцию сразу. Война, голод, холод, разруха не мешали Станиславскому играть на сцене, ставить новые спектакли, писать книги, учить молодежь. Он создавал студии, составлял проекты перестройки театрального дела, ездил на всевозможные заседания, шефские концерты...

Вся жизнь Станиславского до предела была наполнена трудом. Отдыхая, он писал книгу. После окончания утомительного урока или репетиции он подолгу разъяснял артисту или молодому режиссеру сущность его ошибки...

Станиславский при жизни стал легендой.

Безмерное обаяние, неуемная фантазия, одержимость театром в соединении с могучим темпераментом, детской непосредственностью, а главное талантом делали Станиславского, по определению Горького, «красавцем человеком». А в глазах молодежи Станиславский был легендарным Рыцарем театра.

Все знали, что Станиславский давно и тяжело болен. И все же смерть его была ударом. Известие о смерти Станиславского распространилось по Москве с невероятной быстротой. Горе Художественного театра нельзя передать словами...

Очередь людей, желавших проститься со Станиславским, растянулась на километры. Москва провожала в последний путь великого гражданина и художника, великого бунтара, великого революционера театра.

ПРОСТО диву даешься, как иной раз под пером бойкого театроведа или в курсе лекций для студентов жизнь Станиславского и Художественного театра превращается в пыльное повествование о победах, триумфах, завоеваниях.

«Система» рождалась в муках, и каждое положение учения Станиславского тысячи раз проверялось экспериментально. Тысячи страниц рукописей безжалостно браковались. Приверженцев нового метода работы приходилось вербовать поодиночке. Только после революции уроки Станиславского стали достоянием театров, студий и театральных школ. Но дорога Станиславского к молодежи не была усыпана розами.

Споры приверженцев и противников Станиславского не утихали при его жизни, продолжались после его смерти.

Ныне о Станиславском и его системе не спорят.

В какое прекрасное мгновение произошло массовое прозрение — неизвестно. И это настораживает. Тем более, что практика убеждает, что еще многие актеры и режиссеры, повесив в «красный угол» портрет Станиславского, как икону, тайно поклоняются глиняным божкам. Ремесленники и лентяи с удовольствием вытащили из «си-

стемы» все облегчающее им жизнь — не учить тексты ролей, ничего не играть, быть физически «покойным» и т. п. Станиславский «оправдывал» их серость. Самолюбленные, оригинальничавшие режиссеры призвали Станиславского для «оправдания» ярких режиссерских фокусов...

...Станиславский учил: «Надо любить искусство в себе, а не себя в искусстве». Но не перевелись еще люди, приспособившиеся к Станиславскому для себя.

Для многих Станиславский — еще непрочитанная книга или книга, в которой прочитаны лишь первые страницы...

Система Станиславского не свод правил, которые можно зазубрить. Систему Станиславского каждый художник должен однажды открыть в себе самом. Но открыть в себе не значит просто следовать заветам учителя. Надо множить учение Станиславского на вечно движущуюся жизнь. Надо развивать и совершенствовать законы творчества, открытые им.

Мы видим, как на прочной реалистической основе воздвигается строгое, светлое и прекрасное здание советского театра...

РЕЖИССЕР Станиславский прошел сложный путь к реализму, но, как артист и мыслитель, Станиславский был всегда верным последователем реализма в самом высоком, в самом глубоком, в самом точном смысле этого понятия.

Станиславский всю жизнь искал и пробовал самые различные формы, репетиционные методы, педагогические приемы, чтобы соединить свою систему с практикой. Были спектакли более или менее удавшиеся ему, но до конца дней своих он не успокаивался, не удовлетворялся достигнутыми результатами. Он понимал, он чувствовал, что ни он сам, ни его театр еще не добрались до вершины. Станиславский видел ее, звал людей на штурм этой вершины. Но не все его соратники сразу поняли его. И Станиславский обратился к молодежи.

Незадолго до смерти, тяжело больной, но, как всегда, одержимый, он создал студию. Мало кто видел спектакли этой студии. К. С. Станиславский не успел превратить студийцев в актеров. Но именно в это время были развиты основы высшей правды о природе театрального искусства. Кратко Станиславский определил сущность своего учения как метод физических действий.

Станиславский — великий художник театра и великий гражданин нашей Родины. Он принял эстафету от Белинского и Добролюбова, Чернышевского, Стасова и Горького. Искусство должно служить высоким идеалам человечества, утверждать след за ними Станиславский. Никогда театр не был для него забавой и развлечением. Театр — кафедра, с которой можно очень много добра сказать людям, считал Станиславский. Вся прекрасная жизнь Станиславского в искусстве была служением благородной идее борьбы за человеческое счастье.

Главное в учении Станиславского — «сверхзадача». Так Станиславский называл основную мысль пьесы, ее идею. Поиски верной и увлекательной «сверхзадачи», подчинение этой «сверхзадаче» всего спектакля были главной заботой Константина Сергеевича в работе над постановкой. Но Станиславский не считал «сверхзадачу» венцом стремлений театра. Он расширил понятие «сверхзадачи», предложив термин «сверх-сверхзадача». А понятие «сверх-сверхзадача» он расшифровал как цель жизни человека-художника, как идею, которая владеет всем творчеством артиста, режиссера, драматурга.

«Сверхзадача» по Станиславско-

Она как бы перебрасывала мостик со сцены в зрительный зал, заставляла любую старую классическую пьесу звучать современно, соединяла в одном порыве думы и чувства артистов и зрителей.

Как мало мы знаем Станиславского и как неумело пользуемся его учением о «сверх и сверх-сверхзадаче». Сколько еще ставится у нас спектаклей неизвестно зачем, непонятно для кого... Когда задаешь себе вопрос: каждый ли твой спектакль помогает людям жить лучше, правильнее понять самих себя, нашу действительность, воспитывать силы для борьбы и чувства великого братства — приходится ответить: нет, далеко не каждый...

Родившийся сто лет назад К. С. Станиславский являет собой пример высокой гражданственности, высокого понимания долга перед народом. Ведь только гражданственность, партийность художника могут сделать его современным.

Гражданственность Станиславского проявлялась в первую очередь в режиссерской и педагогической работе. Высокие идеи пьесы и спектакля самыми тончайшими, незаметными средствами претворялись в образы людей, в их поступки. Неумолимая логика, психологическая достоверность, социальная точность каждого лица, характера, образа создавали на сцене подлинную картину жизни и незаметно, но активно формировали мысли и чувства зрителей.

«Сверхзадача», идеал, гражданский пафос Станиславского соединялись с глубочайшей психологической и художественной правдой образа.

Высокая идейность и тончайшее мастерство — это и есть главное условие творчества художника-реалиста

ТЕАТР, учил Станиславский, призван показывать «жизнь человеческого духа».

Искусству, безразличному к человеку, ненавидящему жизнь, учение Станиславского бесконечно чуждо. Искусству, закрывающему глаза на действительность, убегающему от нее, Станиславский не нужен.

«Простой советский человек...», — говорил когда-то. Не такой уж он простой... Вчера он десятки раз облетел земной шар, а завтра подарит человечеству избавление от всех болезней... Не так уж просто он устроен, если бросает вызов всем бесовским, нерадивым людям, если в долгие часы борьбы с ледяной водой и ветром он ни на секунду не теряет самообладания, мужества, воли...

Нет, советский человек удивительно сложный «механизм». Отмычкой его не откроешь...

Но к сердцу советского человека имеется волшебный ключ и партия нашла его. Нашла, и творческие силы человека открылись. Проснувшись инициатива, пробудилась ответственность за общее дело, родилась смелость решения. Народ учится, строит, изобретает и одновременно готовит себя для жизни в коммунистическом обществе. Воспитание моральных качеств для жизни в коммунизме — задача всего искусства.

... А. М. Горький назвал литературу «человековедением». «Человековедением» занимается и театр.

Наше время — прекрасное время для расцвета искусства человековедения. Весь огромный опыт Станиславского, его уроки, спектакли, книги помогают мастерам театрального искусства постичь духовную сущность советского человека и привить ему идеалы новой красоты.

... Станиславский родился сто лет назад. И умер почти четверть века назад. Но именно сейчас наступило его время.

Станиславский рождается вновь.

«Известия», г. Москва
1963, 17 янв.